

Шаповалов Сергей Николаевич

кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры истории и культурологии
Кубанского государственного университета

**СУВЕРЕНИЗАЦИЯ СОВЕТСКИХ
РЕСПУБЛИК В ПЕРИОД РАСПАДА
СССР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРАЗДНИКОВ**

Аннотация:

В статье показано влияние процессов суверенизации советских республик на проведение общесоюзных государственных праздников. Рассматривается распад СССР через призму отказа от общих государственных торжеств. Прослеживается складывание нового праздничного календаря на территории бывших союзных республик.

Ключевые слова:

государственный праздник, демонстрация, местные органы власти, митинг, политика перестройки, праздничное мероприятие, Советский Союз, союзная республика, суверенизация.

Shapovalov Sergey Nikolaevich

PhD in History,
Lecturer, History and Cultural Studies Department,
Kuban State University

**SOVEREIGNIZATION OF THE SOVIET
REPUBLICS DURING THE COLLAPSE
OF THE USSR FROM THE PERSPECTIVE
OF PUBLIC HOLIDAYS**

Summary:

The article examines how the processes of sovereignization of the Soviet republics affected the all-union public holidays. The author considers the collapse of the USSR in the context of denial of common national holidays. Development of a new festive calendar by former Soviet republics is reviewed.

Keywords:

public holiday, demonstration, local authorities, meeting, perestroika politics, festive arrangement, Soviet Union, Soviet republic, sovereignization.

Период конца 1980-х – начала 1990-х гг. занимает особое место в истории нашей страны. Именно в это время проводились реформы и преобразования, призванные изменить и модернизировать социалистическую систему. Они были интегрированы в политику перестройки, под лозунгом которой осуществлялись изменения. Проведение в стране новой политики сопровождалось гласностью, поощряемой сверху, критичностью по отношению к прежним порядкам, а также руководителям партии и правительства, публичностью, вовлекавшей в острые дискуссии представителей научного сообщества и общественности.

Неудивительно, что за время осуществления политики перестройки в стране произошли кардинальные идеологические, политические, экономические, социальные и другие перемены. К их числу необходимо отнести: демократизацию и политизацию общественной жизни; появление и развитие радикальных и националистических течений, формировавшихся новыми общественно-политическими движениями и организациями; популяризацию лозунгов суверенности союзных республик.

Постепенное претворение в жизнь идеи суверенизации наблюдалось в прибалтийских и других республиках уже в конце 1980-х гг. В Прибалтике оно усилилось после победы на осенних выборах 1988 г. представителей народных фронтов, которые получили рычаги управления в центральных и местных органах власти. Практически сразу же новые общественно-политические силы стали педалировать идею достижения полной независимости и создания суверенных прибалтийских государств.

Уже в ноябре 1988 г. Верховный Совет Эстонской ССР утвердил Декларацию о государственном суверенитете. Идентичные документы были одобрены в Литовской ССР и Латвийской ССР, а также Азербайджанской ССР в 1989 г. С течением времени во всех бывших республиках были приняты соответствующие документы. После утверждения союзными республиками Деклараций о государственном суверенитете началось постепенное разрушение единого политического, экономического, культурного пространства СССР.

Реализация идеи суверенности находила свое воплощение не только в принятии деклараций и других документов, но и в особом отношении к общесоюзным мероприятиям, которые до недавнего времени скрепляли монолитность страны. В связи с этим показателен пример отношения к общегосударственным праздникам, которые в угоду конъюнктурным взглядам местных властей и общественности стали рассматриваться как чужие и насильно навязанные Москвой культурные мероприятия.

С конца 1980-х гг. на местах началась «борьба» против общесоюзных государственных торжеств. Она носила разнообразный характер. Первоначально местные власти ограничивались

лишь редуцированием праздничных мероприятий, но, постепенно входя во вкус, перешли к созданию собственных праздничных календарей, в которые совершенно не вписывались некогда общегосударственные праздники.

Первые прецеденты отказа от проведения традиционных мероприятий в честь государственных праздников наблюдались уже в конце 1980-х гг. Накануне празднования 1 Мая в 1989 г. в Грузинской ССР местные власти приняли решение не проводить демонстрацию трудящихся и народные шествия. По официальной версии, для этого имелись веские причины: трагические события, произошедшие в апреле 1989 г. в Тбилиси, а также стихийное бедствие в Абхазии [1]. В данном случае речь не шла об отмене или запрете праздника. Местные власти опасались повторения тбилисских событий, которые произошли в апреле и привели к человеческим жертвам. Новое, пусть и официально разрешенное скопление людей на площадях и улицах могло вновь побудить население к активным действиям против местных и центральных органов власти. Кроме того, в республике действовал объявленный ранее траур.

Иными причинами было вызвано решение местных властей Армянской ССР отказаться от проведения военного парада и демонстрации трудящихся в честь годовщины Октябрьской революции в 1989 г. Оно мотивировалось желанием сэкономить на празднике, отправив средства на специальный счет по ликвидации последствий землетрясения [2]. Сама по себе идея использования имевшихся денежных средств для улучшения жизни населения не вызывает никаких возражений. Важно лишь, что эти средства приобретались за счет редуцирования общегосударственных праздничных мероприятий. На наш взгляд, подобный пример наглядно демонстрирует произошедшую девальвацию политической ценности государственных праздников для местных властей.

Тенденция отказа от проведения общесоюзных государственных праздников усилилась на фоне углублявшихся процессов суверенизации республик, резкой политизации общественной и частной жизни, ослабления идеологического контроля. Происходившие в стране изменения как в зеркале отражались во время проведения государственных праздников. На праздничных митингах и демонстрациях участники дискутировали о социально-экономическом, политическом, демократическом и в целом о будущем республик и страны. Иногда эти обсуждения и споры заканчивались столкновениями между представителями различных общественно-политических, националистических и других групп.

В этом отношении весьма показательным примером празднования 1 Мая в 1990 г. в Минске. Оно ознаменовалось столкновениями между участниками праздника, представителями разных течений и движений, а также общественными беспорядками [3]. Непокойно во время праздника было не только в национальных республиках, но и в РСФСР. Например, в Ленинграде, колыбели трех революций, демонстранты несли флаги разных партий и общественных организаций, а также транспаранты и политические лозунги прямо противоположного содержания. Со стороны митингующих сыпались обвинения и велась критика в адрес КПСС и правительства [4].

Самое празднование 1 Мая в 1990 г. оставило противоречивое впечатление, поскольку имело вариации в разных регионах и республиках. В столице Украинской ССР, в городе Киеве, вместе с колоннами трудящихся в праздничной демонстрации участвовали представители «Зеленого мира», «Руха» и других политических организаций и движений, которые несли свои собственные знамена и флаги. В Молдавской ССР многолюдные и пышные демонстрации были заменены общегородскими митингами [5].

В рядовой субботник было превращено первомайское празднество в Грузинской ССР. Здесь вместо традиционных демонстраций и митингов трудящиеся участвовали в создании на месте пустырей зон отдыха, высаживая деревья и кустарники. Такая модель проведения праздника была ближе по духу к царской маевке или первым опытам празднования Дня Интернационала в Советской России. Исходя из изложенных фактов, можно утверждать, что общесоюзные государственные праздники были нивелированы в союзных республиках, превратившись в рядовые события, проводившиеся с единственной целью – для галочки.

С усилением процесса суверенизации в некоторых союзных республиках перестали поддерживать даже иллюзию единства и солидарности. Такая политика местных властей находила свое отражение в отношении к общесоюзным государственным праздникам. Они попросту переставали отмечаться в республиках, превращаясь в обычные рядовые дни. Например, в Латвийской ССР местный Верховный Совет принял 4 мая 1990 г. постановление о новых праздничных датах. Оно отменяло празднование годовщины Октябрьской революции и Дня Конституции СССР, видоизменяло смысл и значение Дня Победы, который трансформировался в нелепый и чуждый День памяти жертв Второй мировой войны. Для закрепления идеи суверенности тут же вводился новый государственный праздник – День восстановления Независимости Республики Латвия [6].

В преддверии Дня Октябрьской революции в 1990 г. примеру Латвийской ССР последовали и некоторые другие советские республики. В Армянской ССР местное правительство постановило не проводить празднование годовщины Октябрьской революции, оставив при этом дни 7 и 8 ноября по-прежнему выходными. Подобное решение приняли и в Грузинской ССР [7]. В связи с этим можно утверждать, что суверенизация республик означала не только политическую независимость, но и отказ от общего культурного наследия.

Последний год существования Советского Союза ознаменовался не только парадом суверенитетов, но и полным разрушением общесоюзного праздничного пространства. Практически накануне каждого государственного праздника в республиках принимались решения относительно его статуса, включения в календарь или игнорирования. Параллельно шел процесс создания собственных политических праздников.

Так, в Армянской ССР Верховный Совет накануне 1 Мая в 1991 г. принял решение объявить 1 и 2 мая в республике рабочими днями. Поэтому никаких официальных празднований в этот день не проводилось. В Молдавской ССР демонстрации трудящихся были заменены короткими общегородскими митингами. В Эстонской ССР 1 Мая сохранило свой статус выходного и праздничного дня, однако не было ознаменовано официальными торжествами, по сути превратившись в рядовой день отдыха, лишенный всякого смысла и идеологического содержания.

Во многих городах РСФСР праздник отмечался, но без привычных традиций и атрибутов. Даже в «политических столицах» страны праздник оставил противоречивое впечатление, продемонстрировав кризис в рядах партии и правительства. В Ленинграде был организован общегородской митинг, на котором выступали рабочие, врачи, актеры, однако не взял слово ни один представитель местной партийной организации. Весьма скромным было празднование в Москве. По поводу него даже в центральной и полностью лояльной по отношению к власти газете отметили: «Пожалуй, давно мы не видели столь короткую «линейку» на нашей главной трибуне, столь короткого митинга...» [8].

События августа 1991 г., когда повсеместно было объявлено о переходе всей власти в стране к Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, имели важные политические последствия. Они значительно ускорили окончательный распад государства, так как целый ряд союзных республик после этого принял Декларации о независимости и выходе из состава Советского Союза. Вполне очевидно, что в таких условиях главный государственный праздник страны, который должен был отмечаться в ноябре, фактически превратился в пустую формальность.

В Узбекской ССР Президиум Верховного Совета объявил 7 и 8 ноября 1991 г. рабочими днями. Поэтому никаких официальных праздничных мероприятий в республике не проводилось. На сессии Верховного Совета Азербайджанской ССР был принят закон о внесении изменений и дополнений в республиканский кодекс законов о труде. Из него были исключены слова «7 и 8 ноября – годовщина Великой Октябрьской социалистической революции». В столице Таджикской ССР по решению местного исполкома горсовета торжества также не проводились. В Казахской ССР постановили, что каждый город и район должны сами определить, как провести этот день. В Латвийской ССР еще в прошлом году отменили празднование этого события. Отмена праздничных мероприятий в честь годовщины Октябрьской революции широко практиковалась и во многих городах РСФСР [9].

К концу 1991 г. наблюдалось не только политическое, но и символическое разделение бывших республик Советского Союза. Повсеместно наблюдалось учреждение новых государственных праздников, которые подчеркивали независимость новых субъектов международного права, создавались национальные календари с собственной праздничной коммуникацией, происходило идеологическое наполнение оставшихся в наследство от СССР праздников, которые не умаляли суверенность бывших республик.

Ссылки:

1. Правда. 1989. 2 мая.
2. Правда. 1989. 8 нояб.
3. Правда. 1990. 2 мая.
4. Там же.
5. Там же.
6. Правда. 1990. 5 окт.
7. Правда. 1990. 4 нояб.
8. Правда. 1991. 2 мая.
9. Правда. 1991. 5 нояб.

References:

1. *Pravda* 1989, 2 May.
2. *Pravda* 1989, 8 November.
3. *Pravda* 1990, 2 May.
4. *Pravda* 1990, 2 May.
5. *Pravda* 1990, 2 May.
6. *Pravda* 1990, 5 October.
7. *Pravda* 1990, 4 November.
8. *Pravda* 1991, 2 May.
9. *Pravda* 1991, 5 November.